

С. ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ

ГОРЯЩАЯ ТЬМА

СОВРЕМЕННЫЕ РАССКАЗЫ

М С М Х Х V I

ИНДЕР - ЗВЕРЬ НЬЮ - ИОРК

М О В Ъ .

В Киев я приехал уже при Гетмане.

Люблю я Украину, люблю украинский язык. Увлекался Заньковецкой, Саксаганьским, Карпенко-Карим, с душевным трепетом слушал напевы бандуристов о стародавней украинской славе и портрет Шевченко всегда висел у меня на стене. Но я сразу почувствовал себя жутко, когда очутился в положении человека, который украл Гоголя. Так объяснил нелегальность моего положения один мой киевский знакомый, когда я ему жаловался, что мой русский язык никто не желает понимать.

— Так вас и надо, проклятых кацапив: вы у нас Гоголя украли.

Знакомый всетаки знакомый, а все незнакомые, особливо власть имущие, даже не объясняли ничего, но молчаливо давали мне понять, что я украл Гоголя. В душевном смятении бродил я по Киеву и виновато вглядывался в лица щирых украинцев прежде чем с ними заговорить. В хлопотах о проезде в Великороссию надо было мне отыскать министерство юстиции. На поиски его ушел целый день. Спрашивал в нескольких учреждениях, никто не знает. В одном министерстве подхожу к молодому человеку в защитной куртке.

— Скажите пожалуйста, где мне найти министерство юстиции?

Не замечая меня смотрит в пространство. Повто-

ряю свой вопрос. Искося взглядывает, пожимает плечами и качает головой. Виновато бреду дальше по обширной зале, вижу как вежливо и предупредительно разговаривают чиновники с людьми, говорящими по украински, и с поспешностью мчатся исполнять их поручения. Подхожу к другому молодому человеку.

— Не можете-ли объяснить мне — где находится министерство юстиции?

Через мою голову строго рассматривает лепные украшения на потолке. Не замечает меня. На повторный вопрос отвечает нехотя.

— Такого нема.

Наконец от какого-то важного брюнета получаю неопределенный намек, что «это» может быть на Думской площади. Бреду на Думскую площадь, хожу и глазею на вывески, спрашиваю порохожих. Нет министерства юстиции. Вдруг убеждаюсь, что его и в самом деле «нема»: на под'езде дома большая вывеска гласит: «Народне министерство справ судовых». Оказывается, однако, что справки судовы мне бесполезны, надо направляться в министерство путей сообщения. А где оно? В справах судовых пожимают плечами: здесь неизвестно. То-есть, может быть и известно, но ведь я Гоголя украл. Мне это ясно дают понять. Бреду по улицам, захожу в под'езды, справляюсь у извозчиков, у прохожих. Натыкаюсь на вывеску: «народне министерство пошт и телеграфив». Радостно захожу, обращаюсь к молодому человеку в защитной куртке.

— Будьте добры сказать — где мне найти министерство путей сообщения?

Хмуро поправляет.

— Миныстерство шляхив.

Пожимает плечами и качает головой.

Начинает рисовать женскую головку и что-то на-
свистывает из «Запорожца за Дунаем». Спускаюсь с
под'езда, вижу человека в костюме швейцара и, в
отчаянии, решаюсь скрыть, что украл Гоголя: начинаю
коверкать русский язык на украинско-патагонский лад.

— Будте ласковы, добродие, дэ будэ мыныстэрство
шляхив?

— Миныстэрство шляхив... и справ железничих?
Зараз, зараз.

Разительная перемена.

Добродий взвился вверх по лестнице, как в небо,
и мигом спустился оттуда с катастрофической быстро-
той погибающего аэроплана.

— За углом четвертый дом.

В министерстве шляхив и справ железничих со мною
были предупредительны и вежливы, потому-что я через
каждые два слова вставлял «добродие» и вместо где
произносил «дэ». К моему удивлению здесь понимали
даже слова, наспех придуманные мною в качестве укра-
инских, но в сущности ничего не обозначающих. С их
помощью добрался я довольно быстро до директора
отдела, по национальности поляка, и сразу с облегче-
нием почувствовал, что Гоголя никогда не крал, хотя
и виноват каким-то образом в смерти Косцюшки. Ока-
залось, однако, что и министерство шляхив и справ же-
лезничих мне тоже бесполезно: директор любезно об-
яснил мне, что надо запастись документами на выезд
от украинского штаба, немецкой комендатуры и ми-
нистерства закордонных справ, а затем направиться в
Великорусское министерство.

Начались долгие хождения по мытарствам, под тя-
желый стук немецких штемпелей, контролировавших
«украинскую державу».

М О В Ъ

Однако, когда наконец хлопоты кончились и я готовился к от'езду, я получил из Харькова известие: «немцы дефилируют с красными знаменами и поют интернационал». Очевидно, украинские «хлеба и кабани» оказались посильнее штемпелей немецких...